

УДК 82-311.2

МИФОЛОГЕМЫ МОСКВЫ, ИЛИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ ПРОДОЛЖАЕТ ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО

М.А. Бипперт (Красноярск, Россия)

А.Э. Мороз (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Проблема исследования заключается в выявлении и анализе преемственности мифологем московского текста в русской литературе XXI в. Несмотря на значительное внимание к петербургскому тексту в литературоведении, московский текст остается менее изученным, хотя он также представляет уникальный набор символов и архетипов, раскрывающих культурные и духовные особенности столицы.

Целью работы является изучение мифологем, образующих мифопоэтику московского текста в литературе. Анализируется, как эти символы и архетипы формируют образ Москвы как культурного и духовного центра России, а также каким образом они находят отражение в произведениях А. Рубанова, Р.В. Сенчина, С. Минаева и И. Шипнигова.

Методология. В исследовании применяются методы литературного и культурологического анализа, включающие изучение символов, архетипов и мифологем, представленных в произведениях. Особое внимание уделено сопоставительному анализу московского текста и национального мифа о Москве. Используются историко-культурный подход и анализ концепта «Москва – Третий Рим» в контексте литературной и исторической традиции.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что мифологемы московского текста формируются через мифы о Москве как Третьем Риме, крепости, лабиринте. Эти мифологемы не только отражают уникальные аспекты восприятия столицы, но и укоренены в национальной идентичности и религиозной традиции. Особую значимость имеет миф «Москва – Третий Рим», который подчеркивает роль столицы в сохранении традиций России и ее значение как культурного центра.

Ключевые слова: *московский текст, Москва, миф, Третий Рим, город, лабиринт, топонимика, мифологема, традиции, культурный код, образ Москвы.*

П*остановка проблемы.* Понятие «московский текст» вошло в филологический обиход в начале 1990-х гг., когда постсоветское пространство столкнулось с острой необходимостью пересмотра и переоценки культурных кодов, в том числе и пространственно-литературных образов столицы. Московский текст, как и петербургский текст, подробно проанализированный В.Н. Топоровым, представляет собой особый тип литературной топографии, созданный путем совокупности литературных произведений, в которых Москва является не только фоном, но и отдельным субъектом повествования. В отличие от петербургского текста, который обладает почти каноническими чертами, московский

текст отражает неоднородность и многослойность городской реальности, насыщенной контрастами и парадоксами.

Научное сообщество и сейчас находится в процессе нахождения единой концепции московского текста. Интерес к данной теме в отечественной филологии только возрастает. В данной области работы разнообразны с точки зрения номинативного подхода – разности наименований «городской текст», «локальный текст», «локальный свертхтекст». Показано, что литература современности может помочь расширить мифопоэтический концепт московского текста, возможно, даже унифицировать его.

Целью данной работы является анализ уже известных мифологем московского текста в современных отечественных романах.

Методологическая основа. В статье используются филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ произведения.

Обзор литературы. Понятие «петербургский текст», предложенное В.Н. Топоровым, стало основой для множества исследований, посвященных феномену «московского текста» (А.П. Ауэр, Н.М. Малыгина, С.М. Телегин и др.). Отмечается также активный интерес к проблемам локального текста и в литературе регионов [Срмикян, 2024, с. 82].

Под московским текстом принято понимать совокупность тем, мотивов, образов и сюжетов, связанных с Москвой. Еще А.С. Пушкин отмечал, что перенос столицы в Петербург не привел к утрате семиотической значимости Москвы. Напротив, ее семиосфера преобразилась: внутренние векторы смыслов изменились, а в некоторых аспектах даже усилились. После утраты столичного статуса в XIX в. Москва начала ассоциироваться с чертами, присущими как самому городу, так и допетровской Руси. На этом фоне противопоставление Петербурга как символа Запада и Европы, а Москвы как символа Востока и Азии выглядит закономерным.

Н.Е. Меднис указывает, что к началу XX в. в литературе сложились три ключевых образа Москвы: сакральная Москва, выступающая семиотическим символом Святой Руси, бесовская Москва и Москва праздничная [Меднис, 2003, с. 26]. В свою очередь, М.В. Селеменова в своей статье отмечает, что в московском тексте первой половины XX в. ярко проявляется противопоставление двух основных образов города: православной Москвы и Москвы светской, антихристианской. Причем в последнем образе исследовательница выделяет черты праздника и бесовства [Селеменова, 2009, с. 25].

Значимость Москвы в русской истории и культуре находит отражение в большом количестве художественных произведений. Однако эти тексты не обладают внутренней цельностью, достаточной для однозначного признания московского текста полноценной литературной концепцией.

Существование московского текста именно как системного явления ставит под сомнение сам В.Н. Топоров. Одной из ключевых причин он называет отсутствие у Москвы мощного текстопорождающего фундамента, который мог бы

быть основан на эсхатологическом мифе [Топоров, 1995, с. 112]. Противники московского текста не находили миф, который обладает текстопорождающими свойствами. В качестве примера-образца приводили миф о миражном городе на воде в петербургском и венецианском текстах, миф Тавриды в крымском тексте и прочие.

Однако понятие «московский текст» начинает восприниматься как единое целое благодаря развитию московской прозы в первой половине XX в. Вклад в формирование этого феномена внесли такие писатели, как А. Белый, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин, А. Платонов, Б.А. Пильняк, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак и Л.М. Леонов.

В современной прозе немало текстов, претендующих на звание «московских». Для анализа мы будем использовать романы периода XXI в. Романы, заинтересовавшие нас ярко представленной топонимикой столицы: А. Рубанов «Сажайте, и вырастет» (2005), Р.В. Сенчин «Московские тени» (2009), С. Минаев «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» (2006), И. Шипнигов «Стрим» (2021).

Результаты исследования. Мифологемы московского текста представляют собой совокупность символов, архетипов и культурных стереотипов, которые воплощают уникальный образ Москвы в литературе, искусстве и общественном сознании. Как концепт московский текст исследовался на фоне анализа петербургского текста, который характеризуется своеобразной мифологизацией Санкт-Петербурга.

Термин «московский текст» появился в рамках изучения культурных кодов и символики русской литературы, сосредоточенных вокруг образа Москвы как культурного, духовного и исторического центра России.

Исследователи выделяют несколько основных мифологем, которые выражают различные аспекты символического восприятия Москвы в русской литературе. Среди них можно отметить миф о Москве как Третьем Риме, образ Москвы-крепости, идею Москвы как лабиринта, а также двойственный образ Москвы как города святости и греха. Эти мифологемы особенно выразительно проявляются в отечественном романе, который способен наиболее глубоко и многосторонне раскрыть национальные архетипы и мифологические коды [Лихачев, 2000, с. 52–53].

Одной из ключевых мифологем московского текста является миф «Москва – Третий Рим». Эта мифологема укоренена в представлении о Москве как о преемнике Византии, что нашло отражение в исторической и литературной традиции. Ее возникновение связано с XV–XVI вв., когда Русь стала воспринимать себя как единственное православное государство и Москва начала считаться «Третьим Римом», то есть новым центром мировой христианской веры после падения Византии [Лихачев, 2000, с. 63]. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский вторят: «В идее “Москва – Третий Рим” сливались две тенденции – религиозная и политическая...» [Лотман, Успенский, 1982, с. 237]. Позднее мифологема была экстраполирована на всю культуру, социум – город стал не только религиозно-политическим центром, но и социокультурным, вобрал в себя авторитарность, сакральность во всех аспектах.

Московский текст Р. Сенчина «Московские тени» перекликается с мифологемой «Москва – Третий Рим», одновременно отсылая к ее сакральной основе и ставя под сомнение ее актуальность в современном контексте: – *Видел там на витрине плакат? На одной половине панорама Москвы – «Сердце всей Руси святой», а на другой – «Довгань»* [Сенчин, 2009, с. 8]. Фраза *Сердце всей Руси святой* явно восходит к традиционной концепции Москвы как центра православной культуры, духовного стержня Руси. Плакат пытается закрепить это сакральное представление, противопоставляя Москве остальную Россию как периферию. Формат плаката (разделение на две половины) символизирует двойственность современного образа Москвы. Одна часть подчеркивает величие, возвышенность и святость столицы, а другая – коммерциализацию, охватившую город.

Схожим образом отражена мифологема в романе А. Рубанова «Сажайте, и вырастет», где Россия называется *Империей*, а образ столицы транслируется героем через эмоцию восхищения: *Столица Империи – особенный город* [Рубанов, 2020]. Для протагониста город является особенным в двух планах: сакральное место, которое дает почву для роста, развития, и место, где существуют социальные проблемы, тюрьмы, несчастные люди.

В романе И. Шипнигова «Стрим» Москва, наоборот, противопоставляется России (*Рашке*) и дистанцирует автора от общенационального контекста. Это противопоставление нарушает традиционное единство мифологемы, где Москва – сердце России, неделимое от ее судьбы: *вообще мне в Москве нравится, я даже иногда забываю, что я в Рашке* [Шипнигов, 2021, с. 211]. Фраза *иногда забываю, что я в Рашке* указывает на восприятие Москвы как пространства, отличного от остальной России. Здесь мифологема перевоплощается в концепцию «Москва – не Россия», популярную в современном обществе. Москва уже не является центром, объединяющим нацию, а становится островом благополучия, модернизации или даже альтернативного мировоззрения. Это искажает изначальную идею Москвы – Третьего Рима, подразумевающую объединяющую роль города.

Другая важная мифологема московского текста – представление о Москве как городе-крепости. Это восприятие восходит к историческим осадам и войнам, через которые прошел город, и подчеркивает его роль как защитника национальных интересов и культурных ценностей. Этот образ активно используется в романе Льва Толстого «Война и мир», где описана защита Москвы в 1812 г. [Толстой, 1960, с. 341]. Данная мифологема реже отыгрывается в современном русском романе, чем остальные, ввиду того, что на территорию столицы практически невозможно вторгнуться, именно поэтому город скорее нарекают неподступной крепостью, недостижимым для врагов местом, оплотом России: *Город Солнца, утопия, устремленный в небо мегаполис будущего* [Рубанов, 2020]. Так, в романе «Сажайте, и вырастет» герой, называя столицу утопией, в первую очередь говорит о ее изолированности. Фраза Рубанова ставит акцент на футуристическом и утопическом образе, что на первый взгляд противоречит традиционной мифологеме «Москва – город-крепость». Однако анализ позволяет увидеть,

как эти образы перекликаются и трансформируют друг друга. Изначально мифологема «Москва – город-крепость» формировалась вокруг идеи Москвы как центра Руси. Ее кремль и укрепления символизировали мощь, стойкость и сакральный порядок, защищающий русский народ и веру. Цитата о «Городе Солнца» показывает смещение акцента от обороны и укрепления к динамике и развитию. Москва не только воспринимается как защищенная цитадель, но и становится «утопией» – моделью идеального общества.

Город редко репрезентируется как крепость в современном романе, но отдельные районы Старой Москвы воспринимаются героями как нечто закрытое, защищенное. *Патриаршие пруды – некий форт, задуманный ангелом-хранителем Москвы для того, чтобы москвичи могли укрыться за его стенами* – протагонист романа С. Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» так воспринимает одно из ключевых мест центральной Москвы, такое описание лишь подкрепляет мифологему [Минаев, 2020]. Может показаться странным, что не Кремль как часть старого города репрезентируется подобным образом, но для современного москвича Патриаршие пруды – это наиболее сакральное место, там сосредоточена элитарная часть общества, лучшие магазины и рестораны, именно там решаются вопросы по бизнесу, даже глобальнее – меняется вектор развития общества в целом.

В статье Н.Г. Шарапенковой «Мифопоэтическое пространство романа Андрея Белого “Москва”» рассматривается образ города как лабиринта. Автор отмечает, что «мифологема пространства как паучьей сети в романе реализуется в одном из главных лейтмотивов большого города-мегаполиса – “паук”» [Шарапенкова, 2012, с. 96–97]. В рамках этой мифологемы Москва воспринимается как сложное, многоуровневое пространство, где герои блуждают в поисках истины. Этот образ выражает хаотичность и противоречивость, свойственные как городу, так и внутреннему состоянию его обитателей. *Переулок – загогулина старой Москвы – дважды изгибался на ста метрах своей длины. Вдобавок представлял собой крутой спуск. Искривленный во всех трех измерениях, он выглядел очень по-азиатски,* – пишет А. Рубанов в своем романе [Рубанов, 2020]. Такое описание подчеркивает извилистость, многомерность и экзотичность этого пространства. Фраза «дважды изгибался на 100 метрах своей длины» акцентирует внимание на топографической сложности пространства. Лабиринт как символ хаоса и трудности ориентации идеально соответствует описанию переулка. Его многократные изгибы создают не только физическую, но и ментальную дезориентацию – герой оказывается вынужден подстраиваться под пространственные особенности. Упоминание, что переулок искажен *во всех трех измерениях*, усиливает эффект лабиринта. Обычное восприятие города как плоской, предсказуемой структуры разрушается, уступая место мифологеме лабиринта.

Дорожное устройство современной Москвы лишь подкрепляет мысль о том, что столица – лабиринт, архитектура города устроена таким образом, что инфраструктура требует большого количества проездов. Как известно, дорожная

обстановка в Москве сложная, постоянные пробки заставляют жителей избирать «пути обхода»: *Я еду по Кутузовскому, разворачиваюсь под мостом, выезжаю на набережную, потом поднимаюсь вверх, к зданию мэрии. Проезжаю мимо нее, потом поворачиваю на Садовое кольцо мимо американского посольства. На Садовом весьма слабый поток, и я понимаю, что правильно сделал, когда не поехал по бульварам* [Минаев, 2020]. Главный герой романа С. Минаева хорошо знает центр города, так как является его обитателем.

Небезынтересно, что не только сам город можно назвать лабиринтом, но и его центральные локации, гетеротопичные пространства.

В современной гуманитарной науке особое внимание начали уделять исследованию пространства и места. Этот процесс получил наименование «пространственный переворот». Он сделал актуальным понятие «гетеротопии», введенное французским философом Мишелем Фуко в 1966 г. в книге «Слова и вещи». Мишель Фуко классифицировал места, которые «вырывают» нас из повседневности и соотносятся сразу со многими местоположениями. Философ делит их на две категории: утопии – «места без реального места», «в высшей степени нереальные места» – и гетеротопии – это реально существующие, действительные, относящиеся к институциональной сфере общества «другие места», которые являются в то же время фактически осуществленными утопиями. В отличие от утопий, анализ гетеротопий (реально существующих «иных пространств») выполняет не только исследовательскую, но и социально-критическую функцию: он делает видимым маргинальное – скрытую (иную) сторону социальной действительности [Бедаш, 2010, с. 142]. Так, в романе А. Рубанова «Сажайте, и вырастет» тюрьма – это место, в котором реальность перестает быть таковой, это отдельный мир с присущим только ему хронотопом: *Перебрав в уме несколько вариантов, я признался себе, что побег из Лефортовского замка – дело немыслимое. Через окно – не уйти, там все прочно и крепко. Стена у окна – толста. Противоположная, где дверь, точно такая же. Логично предполагать, что и две прочие стены несокрушимы* [Рубанов, 2020]. Герой в подробностях описывает лабиринтную структуру «Лефортовского замка», говорит о множестве ходов, комнат. В романе описание гетеротопичного пространства тюрьмы так же подробно представлено, как и описание Москвы в целом, таким образом, можно предположить, что оба этих образа важны для контекста произведения и для жизни и мировосприятия протагониста.

Москва также воспринимается как город, который сочетает в себе разные эпохи, культуры и архитектурные стили. Эта многоярусность создает ощущение непрерывного движения и изменения, делая город живым организмом, который постоянно развивается и обновляется. В этом контексте уместно рассмотреть, как отыгрывается образ города в московском тексте большинства представленных авторов. В романе А. Рубанова район, где живет герой, *официально признан в столице лучшим по уровню инфраструктуры. Создан по всем правилам современной градостроительной науки. Жизнь граждан продумана до мелочей. Магазины, кинотеатры, рестораны, клубы теснятся вплотную; все новенькое,*

шикарное, яркое [Рубанов, 2020]. В корпусе современных романов о Москве транслируется мысль о том, как «похорошела» столица за последние десятилетия. Если в произведении представлена ретроспектива, то особенно ярко выражается контраст между прошлым и настоящим, Москвой конца 90-х и городом современности. В связи с этим уровень жизни, мировосприятие героев становится позитивнее с течением времени, с улучшением инфраструктуры местности.

Выводы. Современные романы о Москве демонстрируют устойчивость традиционных мифологем, таких как «Москва – город-крепость», «Москва – лабиринт», «Москва – Третий Рим», и их активное присутствие в литературе. Эти образы продолжают функционировать как знаковые концепты, структурирующие как сам текст, так и восприятие Москвы читателем. Произведения современных авторов не только сохраняют, но и развивают классические мифологемы. Они дополняют их новыми элементами, связанными с изменениями городской среды, социальной динамикой и политическими процессами. Это позволяет говорить о живом развитии «московского текста» как литературного феномена.

Современные романы интегрируют в московский текст реалии глобализации, урбанизации и технологической трансформации, что позволяет говорить о сопряжении традиционного культурного кода с новым контекстом. Это делает московский текст более гибким и актуальным для современных читателей. Авторы современных романов используют различные оптики для изображения Москвы: от ностальгических до критических. Это усиливает полифоничность московского текста, делая его более открытым для интерпретаций.

Современные тексты подтверждают наличие устойчивого корпуса литературы, связанного с Москвой. Этот корпус сохраняет концептуальную цельность, поддерживая традиции русской литературы и одновременно предлагая новые подходы к осмыслению городской мифологии. Таким образом, современные романы о Москве не только продолжают классические традиции московского текста, но и активно развивают его, привнося новые смыслы и адаптируя мифологемы к реалиям XXI в.

Библиографический список

1. Бедаш Ю.А. Гетеротопия как практическая философия // Практизация философии: современные тенденции и стратегии. Вильнюс, 2010. С. 139–150.
2. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
3. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / НГПУ. 2003. URL: <http://www.kniga.websib.ru/text.htm> (дата обращения: 09.09.2024).
5. Минаев С.Р. Duxless. Повесть о ненастоящем человеке. М.: Эксмо, 2020. 352 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/417290-33-sergej-minaev-duxless-povest-o-nenastoyachem-cheloveke.html#text> (дата обращения: 05.11.2024).

6. Рубанов А. Сажайте, и вырастет. М.: АСТ, 2020. 384 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/401249-189-andrej-rubanov-sazhajte-i-vyrastet-litres.html#read> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник РУДН. 2009. № 2. С. 20–27.
8. Сенчин Р. Московские тени. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
9. Срмикян В.С. Красноярский текст русской литературы: этапы становления // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 82–93.
10. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1–2. 759 с.
11. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. 1995. М.: Прогресс. 624 с.
12. Шарапенкова Н.Г. Мифопоэтическое пространство романа Андрея Белого «Москва» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskoe-prostranstvo-romana-andreya-belogo-moskva> (дата обращения: 15.11.2024).
13. Шипнигов И. Стрим. М.: Лайвбук, 2021. 480 с.

Сведения об авторах

Мария Артуровна Бипперт – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>; e-mail: ma_bippert@list.ru

Мороз Анжелика Эдуардовна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6293-7644>; e-mail: angelafrust@inbox.ru



MYTHOLOGEMES OF MOSCOW, OR HOW THE MODERN MOSCOW TEXT CONTINUES TRADITIONS OF THE PAST

M.A. Bippert (Krasnoyarsk, Russia)

A.E. Moroz (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article tackles the issue of identifying and analyzing the continuity of the mythologemes of the Moscow text in Russian literature of the 21st century. Despite significant attention to the St. Petersburg text in literary criticism, the Moscow text remains less studied, although it also represents a unique set of symbols and archetypes that reveal the cultural and spiritual features of the capital.

The purpose of the article is to investigate the mythologemes that form the mythopoetics of the Moscow text in literature. It is analyzed how these symbols and archetypes form the image of Moscow as the cultural and spiritual center of Russia, and how they are reflected in the works of A. Rubanov, R.V. Senchina, S. Minaeva, and I. Shipnigova.

Methodology. The study uses methods of literary and cultural analysis, including the study of symbols, archetypes and mythologemes presented in the works. Particular attention is paid to the comparative analysis of the Moscow text and the national myth of Moscow. Two approaches are used: the historical and cultural one and the analysis of the concept “Moscow is the Third Rome” in the context of literary and historical tradition.

Research results. The study revealed that the mythologemes of the Moscow text are formed through myths about Moscow as the third Rome, a fortress, and a labyrinth. These mythologemes not only reflect unique aspects of the perception of the capital, but are also rooted in national identity and religious tradition. Of particular importance is the myth “Moscow is the third Rome”, which emphasizes the role of the capital in preserving the traditions of Russia and its significance as a cultural center.

Keywords: *Moscow text, Moscow, myth, third Rome, city, labyrinth, toponymy, mythologem, traditions, cultural code, image of Moscow.*

References

1. Bedash Yu.A. Heterotopia as a Practical Philosophy // Practicalization of Philosophy: Modern Trends and Strategies. Vilnius, 2010. P. 139–150.
2. Likhachev D.S. Russian Culture. Moscow: Art, 2000. 440 p.
3. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Echoes of the Concept “Moscow is the Third Rome” in the Ideology of Peter the Great // Artistic Language of the Middle Ages. Moscow, 1982.
4. Mednis N.E. Supertexts in Russian Literature / NGPU. 2003. P. 24. URL: <http://www.kniga.websib.ru/text.htm> (date of access: 09.09.2024).
5. Minaev S.R. Dyxless. A Tale of a Fake Man. Moscow: Eksmo, 2020. 352 p. URL: [https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/417290-33-sergej-minaev-dyx-](https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/417290-33-sergej-minaev-dyxless)

- less-povest-o-nenastoyachem-cheloveke.html#text (access date: 05.11.2024).
6. Rubanov A. Plant and it will grow. Moscow: AST, 2020. 384 p. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/401249-189-andrej-rubanov-sazhajte-i-vyrastet-litres.html#read> (access date: 05.11.2024).
 7. Selemeneva M.V. “Moscow text” in Russian literature of the 20th century. (based on literary prose of the 1910–1950s) // Bulletin of RUDN University. 2009. No. 2. P. 20–27.
 8. Senchin R. Moscow shadows. Moscow: Eksmo, 2009. 416 p.
 9. Srmikyan V.S. Krasnoyarsk text of Russian literature: stages of formation // Siberian Philological Forum. 2024. No. 3 (28). P. 82–93.
 10. Tolstoy L.N. War and Peace. Moscow: Goslitizdat, 1960. Vol. 1–2. 759 p.
 11. Toporov V.N. Myth. The ritual. Image. Symbol. 1995. Moscow: Progress. 624 p.
 12. Sharapenkova N.G. Mythopoetic space of Andrei Bely’s novel “Moscow” // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2012. No. 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskoe-prostranstvo-romana-andreya-belogo-moskva> (access date: 11.15.2024).
 13. Shipnigov I. Stream. Moscow: Livebook, 2021. 480 p.

About the authors

Bippert, Maria A. – MA Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>; e-mail: ma_bippert@list.ru

Moroz, Anzhelika E. – MA Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6293-7644>; e-mail: angelafrust@inbox.ru